

ВЕРХНЯЯ КОЛОНИЯ – ИСЧЕЗНУВШИЙ ГОРОД

Среди бывалых туристов есть интересная категория, которым не нужен ни берег турецкий, ни Африка им не нужна – интересуют их исчезнувшие города, причём, не столько вросшие в землю древние вавилоны и величавые коллизии, сколько внезапно покинутые людьми города индустриальной эпохи. Нашему городу и здесь есть чем «похвастаться» – главный и самый престижный, как казалось на заре Кузнецкстроя, район – Верхняя Колония – после ослепительной вспышки в конце 1920-х – начале 30-х уже к началу войны резко остановил своё развитие, а после неё столь же стремительно угас, если не сказать погиб. И теперь от оживлённого когда-то района, по мощёным улицам которого ездили первые в городе маршрутные автобусы, а русскую речь заглушала английская и немецкая, остались буквально три-четыре здания: бывшей гостиницы, поликлиники да пожарной части, которой... нечего тушить по месту нахождения.

ЖЕРЛО АДОВО

Советская архитектура эпохи авангарда не только рвалась в небо, но и врывалась в землю, находя свою эстетику даже в таких сооружениях, как подземелья. И в нашем городе невиданный проект превращения подземелья в особый вид социалистического пространства был-таки реализован.

И поэтому совсем не зря одной из наиболее любопытных достопримечательностей нашего города стал открытый на площади Побед 7 ноября 1933-го самый длинный в Кузбассе автомобильно-пешеходный тоннель под КМК, что соединил Верхнюю и Нижнюю Колонию. Сооружение почти символическое – его жерла-порталы выглядят сродни вратам ада. Да они ими и являются – через могильный холод подземелий выводят к огнедышащим цехам.

Тоннель уникален. Его длина – 540 метров, ширина основного тоннеля – семь метров и двух вспомогательных – по полтора – итого десять, высота до потолка – около четырёх метров. По каждой стороне перекрытия поддерживают по 307 железобетонных столбов. Над тоннелем построены три купола – очертания первого угадываются с площади Побед. Их цель – нагнетание воздуха.

При рытье тоннеля выяснилось, что грунт не выдерживает проектную нагрузку – под ним был плавун,

и пришлось забить дополнительно 800 свай. Кроме того, из-за недоделок ещё долгие годы в дождь он наполнялся грязью, а 12 июня 1937 года газета писала: «Тоннель получился узким, и это не позволяет пустить через него трамвай, который соединил бы Верхнюю Колонию с Нижней».

Работал на стройке и Андрей Севастьянович Филиппов – «человек-экскаватор» и почётный гражданин города впоследствии. Его бригада выработывала в смену до 300 кубометров земли. Лопата Филиппова хранится в музее имени Бардина – рабочая часть полметра на полметра.

Когда тоннель был пущен в эксплуатацию, Верхняя Колония была едва ли не самой оживлённой частью города. Во всяком случае, самой цивилизованной – точно: гостиница с номерами люкс с ванными, больница, школа, Сад металлургов (он же сад Курако), в деревянных коттеджах на Орлиной улице жили иностранные специалисты. Так что выход на гору с оборотной (ныне) стороны тоннеля был сделан с особым тщанием: пешеходные дорожки уложены каменными плитами, природным камнем облицованы боковые стенки, а слева от входа наверх можно было подняться по затыливой каменной же лестнице. Нынешний же центральный вход, украшенный наградами КМК, тогда напоминал вход в пещеру.

Здесь, в пугающих сумерках, можно наткнуться на нечто совсем ужасное – прямо в стену вмурован гроб с не дожившим до пуска тоннеля прорабом Александром Михайловичем Заевым – он завещал похоронить его в толще заводской земли. Старожилы боялись ходить с Верхней Колонии по ночам – говорят, дух погребённого здесь прораба и ныне вот уже сколько лет бродит под холодными и мрачными сводами тоннеля.

Порталы тоннеля были построены десятилетием позже – в самый разгар войны, когда враг стоял у стен Сталинграда. Оттого, может быть, их стилистика запечатлела небывалой силы трагизм. Вообще они чем-то схожи с порталами станции метро «Павелецкая» в Москве, построенными в это же самое время. Портал амбразуры тоннеля решён по образцу римских триумфальных арок с полуколоннами дорического профиля.

Органичным продолжением тоннеля сразу же стал спуск-подъём от амбразуры тоннеля до Верхней Колонии. Мощные ступенчатые парапеты из настоящих квадратов (блоков) естественного камня, обработанные под скалу. Навёрху парапеты начинаются четверть-кольцами «клепшей», перед которыми стоят два огромных цельных блока небольшой высоты – пьедесталы для так и не осуществлённых скульптур.

Этот апофеоз величия Верхней Колонии звучит и по сей день, несмотря на поздние увечья, нанесённые в последней трети прошлого века. Местные легенды говорят, что триумфальный ансамбль тоннельного спуска

был будто бы создан по проекту архитектора Михаила Посохина, который в 60-х годах был главным архитектором Москвы. Хотя имеются проекты местного зодчего – Николая Бровкина. Правда, в легенде об авторстве М. Посохина Н. Бровкину отдается приоритет в решении въездов трёх проходных, что расположены в теле самого тоннеля.

В ноябре 1995 года проведена реконструкция тоннеля: с помощью Новосибирской академии строительства он был изолирован бетонной глиной. Сегодня тоннель утратил свое прежнее транспортное значение – узкоколейный стал для автомобильного движения. Да и сообщаться через него сегодня особенно не с кем – Верхней Колонии практически не существует: несколько зданий, «пожарка» да гаражи.

РАСЦВЕТ ВЕРХНЕЙ КОЛОНИИ

Если Нижнюю Колонию и Соцгород начинали строить путём постепенного сноса старинных деревень вдоль Абы, то Верхнюю Колонию заложили в 1927 году на совершенно пустом месте – на голых склонах Старцевой гряды, проведя её улицы вдоль склонов.

Самым красивым местом Верхней Колонии и, несомненно, самой престижной тогда в городе магистралью была улица с гордым именем Орлиная. Именно здесь были построены красивые и удобные деревянные коттеджи для руководства завода и ведущих иностран-

НА КАРТЕ ГОРОДА:

Район находится к северу от промзоны НКМК на склонах Старцевой гряды и связан с остальным городом только уникальным тоннелем под комбинатом. От нескольких улиц ныне осталась лишь одна – нежилая Коммунальная улица.

ных специалистов. Здесь же работал клуб, действовали водокачка, «пожарка» и первоначальный больничный городок - одноэтажные бараки на 100 коек. В 1933 году немецкие архитекторы «Горстройпроект» Кунц, Хеббрандт и Тумбак спроектировали медицинский городок в ярко конструктивистской стилистике, из которого единственным построенным зданием стала двухэтажная поликлиника, что располагалась напротив подъёма из тоннеля, слева от будущей гостиницы. Это здание стоит здесь и поныне, унылое и заброшенное.

ПЕРВЫЙ САД МЕТАЛЛУРГОВ

За жилыми кварталами был разбит первый Сад металлургов. Впрочем, не совсем «разбит» - под него был переформатирован естественный подлесок, всегда росший на склоне горы. Он радовал кузнецкстроевцев лесными тропинками, музыкой и киосками с мороженым. Если бы среди горожан нашлись поклонники такого специфического туризма, о котором сказано выше, то при усердных поисках они бы среди осиновых зарослей неминуемо наткнулись на остатки фонтана, не столько вросшего в землю, сколько заваленного упавшей за последние полвека листвой.

Создание сада было делом рук кузнецкстроевской «партмаши» Анны Бежановой - руководителя женсовета. Дабы огородить будущий сад, ей пришлось организовать бабёнок на хищение досок из прибывшего на стройку состава в 35 вагонов леса. На субботниках горожане сад огородили. В создание сада не верил никто, даже Хитаров с Франкфуртом. В итоге за месяц там появились буфет, читальня, беседки и скамейки. «На скамейки я дала развёрстку по всем цехам по 10-15 скамеек: умри, но сделай - никаких разговоров, - рассказывала потом Бежанова. - Скамейки сделали на двух человек, чтобы третьему негде было сесть - чтобы хулиганства не было. И действительно, хулиганства не было. Часто говорили: «Вот хитрая! Что она сделала - парочка только может сидеть!» Все это устро-

или, пригласили садовника. Садовник сделал клумбы, осветили сад. Там у нас был большой портрет Сталина, прекрасный портрет, как живой (его потом переносили отсюда и порвали). После этого я пошла к Аверьянову и Хитарову и сказала: «Пойдемте, я вам покажу». Вечером сад был очень красиво освещен, все было изумительно. Я их привела, сторож открыл ворота. Хитаров прямо не верил: «Как же это ты за месяц сделала?» По вечерам в саду собиралось народу по несколько тысяч, все дамы в своих нарядах - некуда же больше ходить. Все были очень довольны. А главное - все это сделалось без денег, и все не верили, что получится. А потом: «Молодец, молодец...»

Но по воле партии сразу за парком беззаботная радость сталинцев мгновенно должна была меняться на мрачную печаль - вдоль дороги наверх расположился некрополь великих металлургов. Три могилы корифеев-сталеваров - Лаушкина, лауреата Государственной премии Григория Ефимовича Казарновского (умершего 7 мая 1955 года в возрасте 68 лет) и перезахороненного здесь великого доменичка Михаила Курако - дополняют коллективное захоронение 23-х строителей, погибших 27 сентября 1931 года на первой крупной аварии Кузнецкстроя на силосах коксового цеха. Этот и без того невеселый уголок ныне, когда Верхняя Колония давно почилла, можно назвать совсем зловеще: город мёртвых в мёртвом городе.

ПЕРВЫЙ ГРАНД-ОТЕЛЬ СТАЛИНСКА

Бывшее здание «Сибруды» на Верхней Колонии, что за тоннелем КМК - выдающийся памятник архитектуры позднего конструктивизма. Находящееся ныне в довольно неприглядном состоянии, прежде оно являло собой нечто особое - первый гранд-отель города Великого Сталина.

Крупнейшая тогда не только в Сталинске, но и во всём Кузбассе четырёх-пятиэтажная гостиница, официально значившаяся как общежитие ИТР, была построена в 1933-1936 годах на Коммунальной улице

Баракы Кузнецкстроя (1929 г.)

- там, где и находился в те времена культурный центр города.

Проект гостиницы в Сталинске первоначально был разработан в 1932 году архитекторами Ушаковым и Капустиной из Ленинградского отделения треста «Стандартгорпроект», который в то время проектировал города при гигантах тяжёлой индустрии. И предназначался он для Нижнего Тагила: четырёхэтажные чисто конструктивистские корпуса с двухэтажным блоком посредине. Длинные корпуса с широкими объединёнными горизонтальными тягами окнами фланжировались повышенными ризалитами лестничных клеток.

О гостинице в Сталинске активно заговорили лишь весной 1934 года, после визитов в Сталинск наркома С. Орджоникидзе и Председателя ВЦИК М.И. Калинина, которых толком негде было разместить. И 7 апреля 1934 года Президиум горсовета принял за основу проект гостиницы, исполненный 4-й архитектурной мастерской Моссовета, попросив учесть имевшиеся замечания и на их основе внести в проект изменения. Поскольку строительство гостиницы следовало начать во II квартале 1934 года, горсовет просил мастерскую побыстрее (к 1 июня) закончить разработку чертежей, сделав это на месте, в Сталинске. 4-й архитектурной мастерской Моссовета руководил известнейший архитектор - профессор И.А. Голосов, а вот непосредственным создателем гостиницы была сотрудница этой мастерской А.Г. Капустина. И в имени её как автора отеля сходятся сторонники обеих версий возведения здания.

К 1934 году были выстроены одноэтажный центральный корпус и левое четырёхэтажное крыло. Но прибывшего в гостиницу профессора архитектуры А.Д. Крячкова эстетика отеля не устроила - он тонко чувствовал грядущую смену стиля. И будучи истинным зодчим, он взялся за циркуль и всё переделал: фасады только начатого строительством правого корпуса оформил в духе неоклассики и увеличил с двух до пяти этажей высоту центральной части гостиницы. Левое же крыло здания ещё долго оставалось конструктивистским - полная реконструкция фасадов была завершена уже в послевоенное время. Если посмотреть на архивное фото 1936 года, то увидим: левая сторона отеля - чистой воды конструктивизм, лишённый даже намёка на декор, тогда как правая обработана рустовкой, поя-

сками и пилястами по гребню крыши. А пристроенный к гостинице кирпичный оштукатуренный палисад с бетонными вазонами недвусмысленно говорил о внезапной смене ориентиров в зодчестве.

Сама стройка была проведена ударными темпами при тотальной нехватке стройматериалов. Так, отсутствовали даже шурупы - их выбивал своим влиянием сам директор КМК К.И. Бутенко. После окончания строительства в июле 1936-го в гостинице разместились 46 двух- и трёхкомнатных номеров всех классов (в том числе люксы с ванными) и клуб ИТР с большим кинозалом.

Размах отеля поразил современников. У здания было больше всего окон по фасаду в Сталинске - 145. Здесь был и единственный тогда в городе дежурный (то есть круглосуточный) магазин и ресторан. Причём оба носили один номер...13. И здесь-то, в интерьерах ресторана, впервые в пролетарском городе появились элементы вполне буржуазного стиля - американского «арт-деко»: псевдогипетские колонны, упрощённые ордеры, изогнутые диваны и кресла... Всё это тогда только-только входило в высокую моду в Москве.

Здание гостиницы официально считалось местным памятником архитектуры, являя собой первый пример неоклассической реконструкции конструктивистского здания, причём ещё в ходе его строительства. Судьба этого уникального здания, которое ныне лишь частично эксплуатируется, должна быть небезразлична городу. Кстати сказать, построено оно настолько качественно, что при хорошем обращении переживёт многие другие: скажем, перекрытия здесь изначально монолитные.

УПАДОК И ЗАБВЕНИЕ

Однако со временем трубы КМК окутали весь престижный прежде район дымом, и народ начал с Верхней Колонии массово переселяться в «низину». Гостей города селить здесь тоже стало неудобно, и в здании гостиницы в конце 1950-х разместили контору «Сибруды», которая и находилась здесь до 1997 года. От парадного холла и пресловутого ресторана мало что осталось. Однако помещённый в класс ресторана под видом столовой работал ещё долго и, между прочим, славился хорошей кухней и низкими при этом ценами. Ныне этот процветавший и оживлённый прежде район пуст и мёртв.

Гостиница на Верхней Колонии (архитекторы Ушаков и Капустина, 1936 г.)

НАМ БУДЕТ ОЧЕНЬ ПРИЯТНО, ЕСЛИ, ПОЗВОЛИВ ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ, ВЫ СКАЖЕТЕ, ЧТО ПРОЧИТАЛИ ЕГО В ЖУРНАЛЕ «НЕДВИЖИМОСТЬ НОВОКУЗНЕЦКА И ЮГА КУЗБАССА»